

ИНОСТРАННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТУРИЗМ В СССР В 1958–1964 годах

«Туристская революция» второй половины 1950-х гг., связанная с масштабными изменениями в сфере индустрии туризма, резким расширением объемов туристских потоков и географии международного туризма, затронула и Советский Союз. Ослаблению «железного занавеса» и потеплению отношений с Западом способствовали процесс десталинизации, охвативший СССР и страны народной демократии, декларированный XX съездом партии (1956 г.) принцип мирного сосуществования двух мировых систем и отказ от неизбежности Третьей мировой войны.

До 1958 г. иностранным туризмом в нашей стране занимались две организации – ВАО «Интурист» и Центральное туристско-экскурсионное Управление ВЦСПС. Впрочем, нормальное функционирование международного туризма в СССР началось только в середине 1950-х гг. в основном за счет развития контактов внутри социалистического лагеря и резко увеличившегося с 1956 г. международного туристского обмена советских профсоюзов. Одновременно партийное руководство предприняло ряд мер к активизации движения солидарности с молодыми борцами за мир и «общественный прогресс». Молодежный туризм (наряду с зарубежным) рассматривался советским руководством как важный механизм идеологического влияния на западную молодежь.

Именно эту цель преследовало постановление ЦК ВЛКСМ «Об укреплении связей с молодежными организациями стран народной демократии» (август 1956 г.), стимулировавшее установление прямых контактов комсомольских комитетов разного уровня с организациями молодежи социалистических стран. Воплощением этих идей стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу 1957 г., открывший эпоху международного молодежного туризма.

Советское руководство не скрывало идеологическую роль фестиваля. Организовывавший идеологическое обеспечение работы форума Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин в одном своем выступлении подчеркнул, что в результате посещения Советского Союза иностранной молодежью было во многом развеяно недоверие в отношении него за рубежом¹. В Москву пригласили небывалое за всю ее историю число туристов. При этом фестиваль, призванный нивелировать в восприятии мировой общественности образ «сталинского социализма», стал яркой идеологической рекламой СССР. Молодежный формат форума ассоциировался с вектором обновления социализма. Заработали и финансовые рычаги. В частности, многие из делегатов стран «третьего мира» приехали в Советский Союз за счет учредителей фестиваля.

Форум актуализировал проблему создания специальных структур по управлению международным молодежным туризмом, что, помимо роста объемов молодежного туризма, диктовалось специфическими условиями организации подобных поездок. Когда в январе 1958 г. в Антифашистский комитет советской молодежи поступило обращение председателя Общества норвежско-советской дружбы Ивана Розенквиста об организации дешевой поездки для молодежи летом 1958 г., оказалось, что «Интурист» способен организовать только обычную туристическую поездку². В феврале того же года в Комитет молодежных организаций с аналогичной просьбой обратилась группа студентов Лондонской школы экономики, но руководство «Интуриста» не взяло на себя ответственность

* Орлов Игорь Борисович, доктор исторических наук, профессор факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики.

Машкова Анастасия Михайловна, соискатель кафедры «История и политология» Российского государственного университета туризма и сервиса.

за организацию летней «европейско-азиатской экспедиции» и посоветовало обратиться с соответствующим письмом в Комитет молодежных организаций (КМО) СССР³. Превращение иностранного туризма в СССР в массовое явление делало невозможным использование интуристовской модели, так как сервис высшего класса не был ориентирован на массового молодежного потребителя.

Начало созданию Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник» было положено постановлением комиссии ЦК КПСС от 25 мая 1958 г. Бюро образовали в рамках Комитета молодежных организаций СССР на основании распоряжения Совета Министров СССР от 3 июня 1958 г. № 1731-РС, постановления ЦК ВЛКСМ от 5 июня 1958 г. (пункт 7 протокола № 5) и соответствующего постановления Президиума КМО СССР⁴. Задача «Спутника», являвшегося хозрасчетной организацией⁵, состояла «в проведении туристских путешествий зарубежной молодежи по Советскому Союзу и советской молодежи за границу на доступных для нее условиях»⁶. В целях удешевления стоимости обслуживания приехавших туристов организовывалось прощье, нежелезные в «Интуристе». Так, проезд иностранных молодых туристов по территории СССР осуществлялся в пассажирских или скорых поездах в жестких плацкартных вагонах, с предоставлением постельных принадлежностей только в случае ночных переездов. И при этом предусматривались 50%-ные скидки на железнодорожные билеты. Во время пребывания на туристских базах туристы чаще всего пользовались городским транспортом, реже – специальными автобусами. Размещение производилось в гостиницах, студенческих общежитиях и домах отдыха по 4–8 человек в комнате. Во время дальних экскурсий предполагалось, что молодежь будет ночевать в походных палатках.

Еще одной особенностью молодежного туризма было отсутствие штатных переводчиков: кадры комплектовались за счет студентов языковедческих факультетов и институтов, а также преподавателей и молодежи, владеющей иностранными языками. Заработная плата переводчикам не выплачивалась: с момента встречи до отправления группы иностранных туристов на родину они обслуживались наравне с ними, включая 10 руб. карманных денег в сутки. Кроме того, в период проезда для встречи и возвращения после отправки туристов на родину переводчики получали командировочные в размере 25 руб. в сутки⁷.

Но экономия на профессиональных переводчиках на практике приводила к поспешности в подборе кадров и, в силу этого, их слабой подготовке к работе с иностранными туристами. Тогда как Бюро преследовало цели расширения «политических и культурных связей советской молодежи с молодежью капиталистических стран», упрочения «братских связей с юношами и девушками стран народной демократии» и создания «дополнительных благоприятных условий для распространения среди зарубежной молодежи правдивой информации о жизни советского народа»⁸. Даже название организации выбрали осознанно. 4 октября 1957 г. в СССР запустили первый искусственный спутник Земли, поэтому название молодежной туристической организации призвано было символизировать прорыв «железного занавеса». Эмблема – земной шар, опоясанный орбитой спутника Земли – стала визитной карточкой «оттепели» в отношениях с Западом и Бюро, в частности.

Но при этом «Спутник» служил не только каналом пропаганды советского образа жизни среди зарубежной молодежи, но и механизмом разоблачения «реакционной» политики «империалистических государств». Руководство Бюро признавалось: «Мы пытались пойти навстречу всем желаниям туристов, но когда они отказываются посещать кладбище или музей, то приходится заставлять туристов посмотреть то, что мы предлагаем им посмотреть»⁹. Хотя на практике иногда случалось, что настойчивость сотрудников «Спутника» себя оправдывала. Так, в 1961 г. руководитель студенческой группы из США Оверхольд сначала категорически отказался посещать Пискаревское кладбище, но после долгих уговоров группа все-таки поехала к Памятнику вечной славы. Позже, покидая Ленинград, Оверхольд был вынужден признать, что «впечатление от посещения Памятника было необыкновенно сильным»¹⁰.

Реконструкция «открытия» иностранной молодежью Советского Союза опирается на обширный комплекс разноплановых документов. В наименьшей степени репрезентативны сохранившиеся в фонде «Спутника» книги отзывов и предложений¹¹ или являющиеся частью годовых отчетов восторженные отзывы иностранных туристов о пребывании в СССР¹². Написанные как под копирку отзывы, в основном, содержали благодарность принимавшей стороне и заверения в дружбе. Больше разнообразие демонстрируют письма молодых туристов, особенно из стран Западной Европы и США¹³. Часть писем молодых людей из стран народной демократии была направлена главе Советского государства Н.С. Хрущеву. В них школьники и студенты, как правило, просили его помочь с организацией льготной поездки в СССР. Такие письма пересылались в «Спутник», откуда следовали ответ, что «Бюро организует лишь групповые поездки по стандартным маршрутам», и совет обратиться в местное туристическое Бюро¹⁴.

Отчеты о работе международных лагерей и баз также содержали сведения об интересах, высказываниях, суждениях и поведении иностранной молодежи¹⁵, позволяющие уловить разнообразные факторы, так или иначе повлиявшие на формирование ее отношения к СССР и советским людям. Содержательным источником являются отчеты референтов и преподавателей о работе курсов русского языка при МГУ им. М.В. Ломоносова в 1964 г.¹⁶, стенограммы совещаний по вопросам агитационно-пропагандистской работы с молодыми иностранными туристами¹⁷ и семинаров гидов-переводчиков¹⁸. К сожалению, среди документов фонда РГАСПИ по рассматриваемому периоду не отложились в систематизированном виде отчеты гидов-переводчиков. «Форматки», на которых переводчики должны были писать «что хорошо, что плохо», ввели в Московском отделении «Спутника» только в начале 1965 г.¹⁹

Изученные архивные материалы интересующего нас периода позволяют реконструировать круг интересов и предпочтений иностранных туристов, их отношение к советской действительности. Более того, документы позволяют увидеть, что туристические группы разных стран имели собственное «лицо» и свой набор оценок советской жизни. В частности, из переписки руководства «Спутника» с ЦК ВЛКСМ и КМО СССР узнаем, что прибывавшие из стран Запада туристы делились на 3 группы: коммунисты и сочувствующие им, антисоветски настроенные туристы и представители нейтральных взглядов²⁰. На деле палитра взглядов и оценок была значительно богаче.

Большую роль в формировании у иностранцев отношения к стране Советов играла имевшаяся за рубежом определенная система стереотипов. Например, посетившая СССР в 1964 г. английская группа имела при себе изданный в Нью-Йорке справочник о правилах поведения в СССР²¹. Почти все американские группы «были дисциплинированы и хорошо подготовлены для идеологических споров с советской молодежью». Участники поездок тщательно инструктировались перед выездом в СССР о линии поведения в нашей стране и готовились, исходя из специальности каждого участника, к ведению дискуссий по отдельным вопросам советской жизни²². Слушатели курсов русского языка при МГУ им. М.В. Ломоносова «не до конца верили» преподавателям, переводчикам и организаторам курсов, считая, что те «являются хорошо проверенными и специально подготовленными для работы с иностранцами людьми»²³. Некоторые туристы приезжали настолько запуганными рассказами о советской жизни, что чуждались и гида. Дело иногда доходило до нелепостей, когда отдельные иностранцы признавались, что даже ожидали ареста и ссылки в Сибирь. Но уже перед отъездом на родину они только смеялись над своими страхами²⁴.

Существенно корректировал отношение туристов к Советскому Союзу их личный опыт посещения нашей страны. Например, финны в 1958 г. сомневались, что дом отдыха «Волна» (Кавказский международный молодежный лагерь) не был построен специально для них. Но поездка в Сочи убедила их, что в СССР «есть еще лучше дома отдыха»²⁵. В 1963 г. туристы из Мюнхена, ранее уверенные в том, что «у нас нет электричества, а только свечи, нет ванн, телефонов», покидая Советский Союз решили больше не принимать на веру все то, что пишут о нем их газеты²⁶. Туристы из Шотландии в 1960 г. заяви-

ли, что до приезда в СССР они имели «совсем иное представление о советских людях», но уезжая, здесь «оставляют часть своего сердца»²⁷.

Группа французских учителей начальных классов, посетив в 1961 г. школу-интернат Ленинского района Москвы, оставила запись в книге отзывов: «Мы восхищены размахом строительства новых школ, условиями, созданными для подрастающего поколения». На вопрос корреспондента «Вечерней Москвы», «Как Вы относитесь к полету в космос Ю.А. Гагарина?», туристка из Великобритании Лора Потоэлло ответила: «Я рада, что победил Советский Союз, а не США, потому что русские – чудесные люди»²⁸. Группа студентов из Франции после посещения Государственного подшипникового завода № 1 выразила уверенность в возможности построения коммунизма в СССР, «потому что советский народ полон энтузиазма, полон веры в свою победу»²⁹.

Для подавляющего большинства молодых туристов СССР представлял собой настоящую «terra incognita». Например, в 1960 г. во время посещения подмосковного колхоза некоторые французы задавали такие «наивные вопросы»: ограждена ли территория колхоза режимным забором, разрешается ли колхозникам выезжать или выходить за территорию колхоза, имеются ли у колхозников личные вещи³⁰? Весьма отдаленное представление о советской действительности продемонстрировали летом 1961 г. и шведские туристы. В народном суде они интересовались тем, назначаются ли в СССР судьи правительством или избираются народом? Спрашивали они и о том, может ли осужденный обжаловать судебный приговор³¹? Побывавшие на заводе малолитражных автомобилей в 1960 г. английские туристы удивились, что в СССР существует конвейерное производство³². Отдельные слушатели курсов русского языка, организованных при МГУ в 1964 г., поразились тому, что «в Москве нет извозчиков, что люди хорошо одеты и как будто бы счастливы»³³. Французская туристка-коммунистка, учительница Клод Мари в письме Хрущеву 14 января 1960 г. указала на свое «открытие», что советские люди являются «такими же существами», как и жители «стран капиталистической демократии»³⁴.

Вместе с тем некоторые туристические группы были хорошо информированы (пусть в ряде случаев и однобоко) о положении в СССР. Этому отчасти способствовал рост удельного веса студенчества (особенно среди туристов капиталистических стран) в общем потоке туристов. Так, в 1960 г. студенты составляли в нем более 30%³⁵. Например, туристы из ФРГ, как правило, приезжали с «каким-то определенным запасом знаний о нашей стране», почерпнутым из западной прессы. Нередко в группах (например, Гамбургский круг молодежи) имелись специалисты по отдельным вопросам³⁶. В США к таким организациям относился Совет студенческих путешествий. Все чаще стали приезжать студенты, «специальностью которых является непосредственное изучение СССР и которые в дальнейшем будут работать преподавателями советологии». Как правило, за 3 месяца до отправки группы представители Госдепартамента США организовывали специальные курсы по СССР. В итоге американские туристы были «хорошо осведомлены о событиях в нашей стране», хотя эта осведомленность «часто бывает односторонней и неглубокой». Например, они знали, сколько квадратных метров жилья приходится в СССР на человека или сколько производится стали и угля. Но при этом могли спросить: «Может ли колхозник купить себе костюм без разрешения правления?» или «Питаются ли колхозники из одного котла или каждый варит отдельно?» Кроме этого часто задавались «вопросы, носящие чисто провокационный характер». При этом не столько ждали ответа, сколько хотели «посмотреть, какую реакцию этот вопрос вызывает у того или иного человека и потом сравнить ответы»³⁷.

Более того, Совет студенческих путешествий нередко субсидировал через университеты поездки с целью «как можно больше набрать отрицательных отзывов о нашей стране»³⁸. Судя по отчетам, в 1964 г. не только резко вырос прием из капиталистических стран туристов, прибывавших по линии БММТ (свыше 7.5 тыс. человек), но и изменился их состав. В СССР стали приезжать иностранцы, «хорошо подготовленные и проинструктированные для ведения буржуазной пропаганды и западного образа жизни»³⁹. Так, директор Кавказского международного лагеря Овчаренко на совещании в марте 1965 г., подводя итоги прошлого сезона, докладывал, что среди иностранных туристов были те,

кто пытался вести «враждебную идеологическую работу». Например, французские туристы Поль Ростенг, Жан Бомье и Жак Паке «не скрывали своего враждебного отношения к Советскому Союзу» и выступали яркими защитниками частного предпринимательства. А американская туристка Дария Ньюман, владевшая русским языком, в беседах проводила идею превосходства США над СССР⁴⁰.

Тем не менее интерес к советской жизни у иностранных туристов (как социалистических, так и капиталистических стран) был действительно велик. Диапазон любознательности колебался от цен на чулки в нашей стране до ее внутренней и внешней политики⁴¹. Многие туристы интересовались перспективами развития советского общества в свете новой программы КПСС, трудовыми делами советской молодежи, ее отдыхом, образованием и другими социальными благами, хотели услышать о «миролюбивой внешней политике СССР», отношении к германскому вопросу, мирном сосуществовании двух систем и проч.⁴² Напротив, шведские туристы избегали вести беседы и дискуссии на политические темы под тем предлогом, что «Швеция нейтральная и миролюбивая страна», и многие волнующие СССР проблемы «не являются актуальными для Швеции». Руководитель группы Эстен Болин в 1961 г. заявил, что расценивает встречи молодежи СССР, ГДР, Болгарии, Польши и Швеции «как пропаганду идей коммунизма», считая, что «коммунизм для вас то же, что для нас религия»⁴³. Избегали участия в политических дискуссиях и чехословацкие туристы.

Различия в профессиональном, социальном⁴⁴ и даже в возрастном составе⁴⁵ иностранных туристов обуславливали разные сферы культурных интересов. Например, большой интерес к советской культуре традиционно проявляли чехословацкие студенты. Одной из польских групп сезона 1961 г. доставило особое удовольствие посещение Третьяковской галереи: картины вызвали горячий спор об абстрактном искусстве⁴⁶. Болгарам понравилось посещение Кремля, Мавзолея и Музея В.И. Ленина, значительно меньше интереса вызвали экскурсии в Третьяковскую галерею и Русский музей, так как в группе было мало туристов, интересовавшихся искусством⁴⁷. Немцы высоко оценили посещение «Авроры» и Петропавловской крепости, а экскурсию в Русский музей заменили визитом на вагоностроительный завод им. Егорова⁴⁸. На японцев, посетивших столицу в 1964 г., самое благоприятное впечатление произвела встреча с министром просвещения РСФСР Е.И. Афанасенко⁴⁹, а польским туристам надолго запомнилась встреча в 1960 г. с народным артистом СССР С.Ф. Бондарчуком⁵⁰. Кроме того, поляки нередко недоумевали, что были организованы только экскурсии. Многие из них готовились к настоящим походам⁵¹. Напротив, туристы из ГДР даже небольшую экскурсионную программу в 1958 г. посчитали «чрезмерно насыщенной», так как очень сильно уставали⁵². Многие туристические группы, например румынская, просили организовывать «больше встреч с советскими людьми, а не осмотров достопримечательностей»⁵³. Того же мнения придерживались и французы. Им понравились встречи с молодежью на заводах, а во время посещения в 1958 г. колхоза они не захотели просто осмотреть хозяйство, а пожелали встретиться с молодыми колхозниками⁵⁴.

Велик был интерес иностранцев-туристов и к семейному быту простых советских людей. Как писала Хрущеву французская туристка Клод Мари, «видеть токарные станки, гигантские экскаваторы, огромные грузовики, которые делают советских людей хозяйном враждебной природы – все это поистине важно; но увидеть личную жизнь советских людей – это также важно»⁵⁵. Однако последнее было затруднено в первой половине 1960-х гг. из-за небольшого числа разрешенных для посещения семей⁵⁶. Если же иностранцам отказывали в подобных визитах, они делали вывод: «Значит, вам нечего показывать»⁵⁷. В связи с этим случались и откровенные проколы. Так, переводчица С. Макогон в 1961 г. в ответ на просьбу чилийцев наведаться в уже заселенную квартиру киевской новостройки, «самовольно привела в первую попавшуюся квартиру, которая оказалась неудачной для посещения»⁵⁸. Иностранцы нередко и сами инициировали встречи с интересующими их людьми или посещение тех или иных объектов и учреждений. Так, болгарские туристы в 1958 г. настояли на встрече с сотрудниками МВД, чем остались чрезвычайно довольны⁵⁹.

Но знакомство иностранцев с нашей страной часто происходило в результате их столкновения с советской реальностью, складывавшейся не из экскурсионных показов и запланированных встреч, а из бытовых мелочей, окружавших их в гостиницах, лагерях и в пути следования. Например, члены одной из французских групп в 1958 г. на протяжении всей поездки по Советскому Союзу настойчиво просили избавить их от приставания «личностей», пытавшихся купить у них вещи⁶⁰. Впрочем, чаще всего сами туристы (особенно поляки) были не прочь устроить «распродажи». Так, в августе 1958 г. несколько туристов из Польши, провозивших вещи для продажи «с целью наживы», выйдя из поезда в Сочи, сразу разложили их у здания вокзала, не реагируя на замечания переводчика. Члены другой польской группы при посещении этого же города пытались реализовать привезенные вещи прямо у дверей скупочного магазина. Сразу по прибытии в Брест руководитель еще одной польской группы просил представителя Бюро помочь ему продать женскую кофточку, а у другого руководителя группы таможня на станции Брест конфисковала плюш. Иногда польских туристов при совершении торговых сделок задерживали члены народной дружины⁶¹. Нередко туристы продавали местным жителям и отдыхающим поношенные вещи. Так, 16 сентября 1960 г. в штаб народной дружины привели венгерского туриста Лайоша Пата, который продал русскому парню далеко не новый плащ за 100 руб. 2 ноября того же года задержали двух фарцовщиков, купивших у поляков поношенный пиджак за 150 руб.⁶² В общем, не хватало только бус, чтобы подчеркнуть свое превосходство над «аборигенами».

Изученные нами архивные документы содержат много сведений о поведении иностранцев в советской стране. Так, на ленинградской турбазе «Дружба» в 1961 г. венгры «вели себя нескромно» и часто меняли экскурсионную программу, а польская группа категорически отказалась от поездки на концерт хора Ленинградского университета. Бестактно вели себя во Дворце культуры члены смешанной группы (представители 21 страны) из Франции, а одна француженка, перебрав спиртного, испортила в номере полотенце. Традиционно много пили финские туристы, при этом находя время и для торговли вещами. За незаконную продажу долларов был задержан милицией отдыхавший в Кавказском лагере «Спутник» в том же году француз Ламбер Клод⁶³. Интересовались возможностями частного обмена денег и польские туристы. Были случаи, когда они провозили с собой спирт, который демонстративно пили в поезде, пытаясь угостить переводчика. А одного польского туриста летом 1958 г. вывели с танцевальной площадки Кавказского лагеря за попытку обучить советскую молодежь рок-н-роллу⁶⁴. Отдыхавший в Крымском лагере в Гурзуфе в июле 1961 г. немецкий турист Раймонд «пытался устроить провокацию в лагере»: сначала продал две «бывших в употреблении рубахи» юноше из Гурзуфа, а на следующий день заявил об их похищении⁶⁵.

Нельзя не отметить и просчеты советской стороны, а иногда даже и откровенное хамство при приеме туристических групп. Так, польских туристок неприятно удивили периодические проверки простыней одной из бдительных работниц турбазы и возможность вторжения в их комнаты без стука начальника базы на предмет проверки пребывания в них мужчин. Хотя, судя по отчету о работе «Спутника» в 1958 г., поляков вообще раздражала необходимость соблюдать внутренний распорядок лагеря, включая обязательную утреннюю зарядку. А на все замечания администрации лагеря были заготовлены такие стандартные ответы, как «мы попали в концлагерь» или «у вас еще проявляется сталинизм»⁶⁶. Возможно, именно непривычная для значительной части молодых туристов организованность отдыха объясняет попытки выйти за рамки туристической программы. Наоборот, очень дисциплинированные туристы из Чехословакии, полагавшие, что обслуживание в СССР явно не соответствует цене путевки, каждый день подсчитывали стоимость питания и обслуживания⁶⁷. Такой же открытый и даже демонстративный учет цен вели венгры, жаловавшиеся на дорогие путевки и предъявлявшие нередко завышенные претензии к обслуживанию⁶⁸.

Однако следует признать, что эти требования далеко не всегда были необоснованными. Например, финские туристы, отдыхавшие в 1958 г. в Кавказском лагере, не обедыли 2 дня в знак протеста против плохо вымытых стаканов. А конфликт с польской студен-

ческой группой спровоцировало желание полотера во что бы то ни стало натирать полы в комнате, где студенты отдыхали после обеда⁶⁹. Чехословацкую группу летом 1958 г. возмутило то, что после купированного вагона им пришлось, прождав пересадки 4 часа, от станции Чоп до Москвы ехать в «общем вагоне, где было много детей». Также они указали на проблемы с питанием: «много первого и мало второго», его несоответствие национальным традициям, «частые переводы на завтрак и ужин в буфет» и т.д. Жаловались они и на постоянно опаздывавшие автобусы⁷⁰.

В том же году туристы из ГДР отмечали, что встреча в Ленинграде прошла лучше, чем в Москве. Хотя из-за слабой подготовки ленинградских гидов «скомканно прошла экскурсия по городу и в Петергоф». Болгарских туристов возмутили «холодность встречи на вокзале в Москве» по сравнению со встречаей в Ленинграде и «недостаточно вежливое обслуживание» в столовой московской международной базы. Они также выразили переводчику недовольство тем, что не было выполнено пожелание посетить подмосковный колхоз⁷¹. Впрочем, подобные трудности стали характерны для многих регионов и особенно Подмосковья. Так как «под Москвой везде закрытые зоны», это создавало трудности не только с посещением иностранцами промышленных и сельскохозяйственных предприятий, но даже молодежных спортивных лагерей⁷².

Из письма секретарю ЦК ЛКСМ Украины Ю.Н. Ельченко от 9 сентября 1961 г. о работе с молодыми иностранными туристами в Киеве известно, что чехословацкой группе пришлось около часа ожидать вблизи завода «Точэлектроприбор», так как никто из дирекции и комитета ВЛКСМ не знал об их прибытии на завод. 25 августа 1961 г. впервые прибывшая в СССР чилийская группа при осмотре нового строительства в Дарницком районе Киева выяснила, что не было предварительной договоренности о посещении стройки. Чехословацкая группа, приехав в городской парк на концерт симфонического оркестра, выяснила, что концерта в этот день не намечалось⁷³.

На международной конференции молодежи и студенческих организаций в Каннах (1965 г.) госпожа Девис (Париж) предъявила претензии в адрес московской гостиницы «Турист», где в сезоне 1964 г. еды было мало, и она оставляла «желать лучшего»⁷⁴. Вообще, французы неоднократно просили учитывать их национальные особенности питания, прежде всего привычку пить во время обеда много пива или воды⁷⁵. В период пребывания иностранных туристов в Киеве в 1961 г. в столовой № 31, где было организовано питание, оказались грязными скатерти, отсутствовали салфетки, а посуда подавалась немытой. В туалете не обнаружилось ни мыла, ни полотенца. Зато «обслуживающий персонал грубил и бездушно относился к просьбам туристов». В частности, работники столовой отмахнулись в ответ на просьбу руководителя чехословацкой группы сварить манную кашу для больной девушки, которой была противопоказана иная пища. Не было должной чистоты и в киевской гостинице «Днепр». На втором этаже, где размещались туристы, три номера оказались заняты постоянно проживающими жильцами, которые в коридоре разжигали керосинки и готовили пищу⁷⁶. Во время пребывания иностранных туристов в Риге в 1961 г. их разместили в расположенном далеко от центра города студенческом общежитии Латвийского государственного университета, где не были благоустроены душевые кабины и умывальные комнаты, но зато хватало тараканов⁷⁷.

Польской группе харцеров⁷⁸, посетившей СССР в июле 1961 г., пришлось в Бресте несколько часов ждать поезда на Москву, так как их места заняла внеплановая группа немецких туристов. В Москве они также почти 3 часа ждали, пока их разместят в гостинице. Не лучше обстояло дело с их отъездом из Сочи, произошедшим на день раньше срока. Причем об отъезде и изменении маршрута с Киева на Минск они узнали за 2 часа до поезда⁷⁹.

В 1958 г. румынские туристы, ездившие городским транспортом, жаловались, что это отнимает много времени. Тем более что в первый день приезда в Ленинград им не был выделен гид для экскурсии по городу. Вызвал большие протесты у них и распорядок пребывания в Кавказском международном лагере, чью территорию запрещалось покидать: «Мы приехали сюда не спать и кушать, это мы могли сделать и дома», а для того, «чтобы как можно больше увидеть». Румыны жаловались на плохо организованную поездку на

озеро Рица, когда одну группу отправили сразу, а вторую только на следующий день. Да и то она сумела добраться только до Гагр⁸⁰.

7 октября 1958 г. советские и немецкие туристы ездили в Туапсе на вечер германо-советской дружбы, посвященный девятой годовщине образования ГДР. Но во время поездки сломался автобус, везший немецких туристов, и оставшуюся часть пути сотне туристов пришлось ехать, набившись в один автобус. Однако на этом их транспортные злоключения не закончились. На обратном пути двум автобусам пришлось простоять в ночное время около часа из-за того, что в один из них забыли залить бензин⁸¹. В Кавказском международном лагере в 1961 г. незадолго до отъезда иностранных групп началась проверка белья, и за 30–40 минут до отправления автобусов принимались взыскивать деньги с иностранцев за пропавшие вещи⁸².

Заместитель председателя Бюро «Спутник» В.П. Мошняга 5 июня 1965 г. сообщал в посольство СССР в Уругвае, что в 1964 г. имел место факт хищения документов у группы уругвайских студентов архитектурного факультета университета Монтевидео. Они хранились у переводчика в чемодане, который украли на Ленинградском вокзале⁸³. Вещи были вскоре найдены, но неприятный осадок, конечно, остался. Что уже говорить о другом случае, когда в Кавказском лагере немецкого туриста обворовал лагерный баянист⁸⁴.

Список претензий иностранцев к принимающей стороне можно продолжать, но нередко «тепло и душевно» организованные проводы способствовали тому, что «забывались все недостатки и шероховатости в работе»⁸⁵. И вообще, судя по отзывам, общее впечатление от посещения СССР было скорее положительным. Особенно иностранной молодежи нравились быстро строящаяся Москва, «Северная Венеция», красоты Кавказа и, конечно, советские люди. Так, руководитель французской группы в 1958 г. заявил, что в СССР их принимали «лучше, чем где-либо», и что прием в СССР отличался от приема в других странах «как небо от земли». В Смольном, увидев равнодушных итальянских туристов, прибывших по линии «Интуриста», французы демонстративно запели «Интернационал»⁸⁶. Более того, француженка Бернодет Санремо в 1964 г. рассказала переводчику, что один из группы отъезжавших за границу советских туристов почему-то «в довольно мрачных тонах описывал жизнь в Советском Союзе»⁸⁷.

Впрочем, соприкосновение с различными сторонами советской жизни неминуемо рождало у туристов (причем не только из западных стран, но и из стран соцлагеря) множество вопросов, нередко «хитроумных»⁸⁸. При этом набор вопросов оказывался довольно предсказуемым. Наиболее типичными из них были следующие: почему КПСС – партия всего народа, когда в ней только 10 млн человек, если Советский Союз выступает за разоружение, зачем у него такая большая армия, почему на тяжелых работах применяется женский труд, в чем идеалы советской молодежи⁸⁹?

Американцы, как правило, касались одних и тех же проблем: однопартийности в нашей стране, возможности критики членов правительства, культа личности Сталина и демократических свобод, трудностей в сельском хозяйстве, отношения СССР к Китаю и Албании и др.⁹⁰ Американские туристы для дискуссии даже предлагали свои темы: «Дискриминация и сегрегация в СССР», «Разногласия между КПК и КПСС», «Отсутствие полной информации о капиталистических странах» и т.п. Во время дискуссий они делали упор на «отсутствии в СССР свободы личности, свободы мысли»⁹¹. А в беседах с немецкими туристами чаще всего поднималась германская проблема⁹².

Но в ряде случаев реакция иностранных туристов была ответом на попытки переводчиков и комсомольского актива «в порыве патриотизма» выдать советскую действительность «в розовом свете». Как признавал позднее директор Ленинградского отделения БММТ «Спутник» Ю. Рухов, «особенно серьезно нас губит именно наивный патриотизм»⁹³. Да и как могли иностранные туристы расценивать ответ переводчика, который на вопрос о том, каким должен быть любимый человек, не сомневаясь, выдал: «Крепким марксистом-ленинцем»⁹⁴. Вряд ли добился уважения и расположил к себе иностранных туристов заискивавший перед ними старший инструктор Кавказского лагеря «Спутник». Летом 1961 г. перед поездкой на озеро Рица он вошел в автобус и крикнул: «Коммунисты, встаньте, уступите место иностранцам». Но вместо одобрения инструктора, который

«беседы проводил глупо, выражался книжным языком, допускал глупые шуточки», грубо осадил английский турист: «Сядь и заткнись». Что вызвало общий смех⁹⁵. О какой презентации советской культуры могла идти речь, если все четыре показанных в Кавказском лагере в 1959 г. немецким туристам кинофильма оказались иностранного производства⁹⁶. В чью голову пришла идея о демонстрации в 1961 г. не готовой к этому группы из ФРГ фильма «Подвиг Ленинграда»? Стоит ли удивляться, что немцы покинули зал посередине сеанса⁹⁷. Но при этом многие студенты из ФРГ, «враждебно настроенные по отношению к советской действительности», уезжая, говорили, что «не изменилось их отношение к коммунизму, но изменилось их отношение к Советскому Союзу»⁹⁸.

Туристическая статистика показывает, что в рассматриваемый период рос прежде всего обмен с соцстранами. Так, за 1959–1964 гг. он ежегодно увеличивался на 10–15%⁹⁹. Однако при сохранении лидирующих позиций туристов из социалистических стран неуклонно росла численность молодежи из капиталистических государств. В условиях холодной войны международный туризм превращался в мощнейший фактор пропаганды достижений двух «лагерей» и инструмент борьбы за расширение влияния в «третьем мире». С другой стороны, расширение туристских связей способствовало не только консолидации населения противоборствующих систем, но и взаимному открытию друг друга.

Архивные документы свидетельствуют, что планы ведомства были связаны с расширением туристского обмена вообще и числа туристов из западных стран и государств «третьего мира» в частности. Кроме того, упор в развитии иностранного туризма делался на прием специализированных групп и «поездов дружбы». Росла и сеть международных лагерей¹⁰⁰, рассчитанных на относительно длительное пребывание иностранных туристов, что позволяло более целенаправленно формировать культурную и политическую программу. Еще одной целевой установкой стало расширение географии въездного туризма, прежде всего за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки. Не вызывает сомнений, что «Спутник» активно и достаточно эффективно позиционировал себя в общей системе международного туризма.

Однако сдерживающим фактором развития инфраструктуры советского молодежного туризма были идеологические штампы марксистского экономического учения. Услуги (соответственно и туризм) рассматривались как непроеизводственная сфера, в силу чего в их отношении действовал остаточный принцип финансирования. Если советские туристы вполне могли удовлетвориться размещением в дешевых гостиницах, студенческих общежитиях и даже в походных палатках, то иностранная молодежь (особенно из западных стран) ожидала от поездки в Советский Союз привычного комфорта.

Вторая половина 1960-х гг. обозначила некоторый поворот в политике иностранного молодежного туризма. Новое руководство страны давало понять, что организационный период деятельности «Спутника» завершен и предстоит серьезная работа по расширению культурных и, самое главное, политических связей советской молодежи с зарубежной. В интервью английской газете «Дэйли Скетч» в сентябре 1965 г. председатель Управления по иностранному туризму при Совмине СССР В.М. Анкудинов сделал многообещающее заявление, что советское правительство «полностью пересмотрело свое отношение к иностранным туристам» в плане улучшения сервиса¹⁰¹. Спустя 2 года, на семинаре гидов-переводчиков в апреле 1967 г. директор Московского отделения «Спутника» М. Болотинский выступил против тезиса о «боевитости» при приеме групп из капиталистических стран: «Мы являемся политической организацией, но нельзя забывать, что мы занимаемся туристами, и если мы будем встречать их кулаками вместо цветов на перроне, то года через два у нас не будет ни одного туриста из капиталистических стран»¹⁰². Тем самым могло создаться ложное впечатление о масштабном идеологическом отступлении, принятом партийным руководством Советского Союза. Но события «пражской весны» и последующее за этим «закручивание гаек», как во внутренней, так и во внешней политике, наглядно продемонстрировало нежелание коммунистического режима поступиться принципами. Новый виток холодной войны и обострение идеологического противостояния двух мировых систем в очередной раз деформировали политику в области иностранного (в том числе молодежного) туризма.

Примечания

¹ VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Сборник материалов. М., 1958. С. 105.

² РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 26, л. 13–14.

³ Там же, л. 39–40, 63.

⁴ Там же, д. 1, л. 40, 45.

⁵ Работа Бюро строилась главным образом на основе безвалютного туристского обмена с зарубежными организациями, занимавшимися молодежным туризмом. Но в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. безвалютный обмен (даже со странами народной демократии) был, скорее, перспективной формой. Соглашение о безвалютном обмене туристами между бюро путешествий Болгарии, Венгрии, ГДР, ЧССР, Польши и СССР было заключено только 27 марта 1964 г.

⁶ РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁷ Там же, л. 8, 16.

⁸ Там же, л. 45.

⁹ Там же, д. 313, л. 7.

¹⁰ Там же, д. 102, л. 30.

¹¹ См., например: там же, д. 5, 6.

¹² Там же, д. 1, л. 13–14; д. 7, л. 6–8; д. 8, л. 29–37.

¹³ См., например: там же, д. 28, л. 4–6; д. 60, л. 64–69.

¹⁴ Там же, д. 301, л. 13–14, 6–18, 22–24.

¹⁵ Там же, д. 3, л. 13–19.

¹⁶ Там же, д. 239, л. 1–6 об.

¹⁷ См., например: там же, д. 313, 314.

¹⁸ См., например: там же, д. 498.

¹⁹ Там же, д. 313, л. 19.

²⁰ Там же, д. 316, л. 58.

²¹ Там же, д. 314, л. 111.

²² Там же, д. 158, л. 16.

²³ Там же, д. 239, л. 2.

²⁴ Там же, д. 168, л. 48.

²⁵ Там же, д. 4, л. 10.

²⁶ Там же, д. 168, л. 46.

²⁷ Там же, д. 58, л. 16.

²⁸ Там же, д. 101, л. 13.

²⁹ Там же, л. 14.

³⁰ Там же, д. 58, л. 181.

³¹ Там же, д. 91, л. 26–27.

³² Там же, д. 58, л. 10.

³³ Там же, д. 239, л. 3.

³⁴ Там же, д. 60, л. 65.

³⁵ Там же, д. 52, л. 29.

³⁶ Там же, д. 168, л. 46–47.

³⁷ Там же, л. 47.

³⁸ Там же, л. 48.

³⁹ Там же, д. 192, л. 22.

⁴⁰ Там же, д. 314, л. 56–57.

⁴¹ Там же, д. 4, л. 5.

⁴² Там же, д. 90, л. 37.

⁴³ Там же, д. 91, л. 27.

⁴⁴ Например, в 1958 г. в группах из Болгарии преобладали работники сельского хозяйства и активисты Димитровского союза молодежи. Из Венгрии приезжали шахтеры, студенты, художники, артисты и служащие. В группах из ГДР были рабочие, работники сельского хозяйства, активисты Союза свободной немецкой молодежи и коммунисты. Польские туристы были в основном представлены интеллигенцией – врачами, юристами, журналистами и студентами. В румынских группах, как правило, находились студенты и преподаватели вузов. В составе чехословацких групп также были представители интеллигенции. В группе из Франции доминировали молодые коммунисты – рабочие, студенты, учителя, служащие. Из ФРГ приезжали студенты – члены Союза либеральных студентов. Финляндию представляли учащиеся школ (там же, д. 1, л. 4–16). В дальнейшем состав иностранных туристов только усложнялся.

⁴⁵ По итогам первых лет работы «Спутника» выявилось большое различие в возрасте прибывавших интуристов. В частности, в венгерских, польских, немецких и некоторых других группах было много 40–50-летних (там же, д. 3, л. 11).

- ⁴⁶ Там же, л. 14.
- ⁴⁷ Там же, л. 16.
- ⁴⁸ Там же, л. 17.
- ⁴⁹ Там же, д. 313, л. 14.
- ⁵⁰ Там же, д. 58, л. 13.
- ⁵¹ Там же, д. 3, л. 14.
- ⁵² Там же, л. 17.
- ⁵³ Там же, л. 19.
- ⁵⁴ Там же, л. 18.
- ⁵⁵ Там же, д. 60, л. 67.
- ⁵⁶ Там же, д. 313, л. 20.
- ⁵⁷ Там же, д. 314, л. 112.
- ⁵⁸ Там же, д. 90, л. 35.
- ⁵⁹ Там же, д. 3, л. 16.
- ⁶⁰ Там же, л. 18.
- ⁶¹ Там же, л. 13; д. 58, л. 138.
- ⁶² Там же, д. 58, л. 138.
- ⁶³ Там же, д. 100, л. 11–12, 47.
- ⁶⁴ Там же, д. 3, л. 13–14.
- ⁶⁵ Там же, д. 100, л. 222.
- ⁶⁶ Там же, д. 3, л. 13.
- ⁶⁷ Там же, л. 15.
- ⁶⁸ Там же, л. 11.
- ⁶⁹ Там же, д. 4, л. 10.
- ⁷⁰ Там же, д. 3, л. 15.
- ⁷¹ Там же, л. 16–17.
- ⁷² Там же, д. 313, л. 20.
- ⁷³ Там же, д. 90, л. 35.
- ⁷⁴ Там же, д. 350, л. 4, 12.
- ⁷⁵ Там же, д. 3, л. 18.
- ⁷⁶ Там же, д. 90, л. 37–38.
- ⁷⁷ Там же, л. 45.
- ⁷⁸ Польская молодежная организация коммунистической ориентации.
- ⁷⁹ РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 100, л. 151–152.
- ⁸⁰ Там же, д. 3, л. 19.
- ⁸¹ Там же, д. 28, л. 6.
- ⁸² Там же, д. 99, л. 18.
- ⁸³ Там же, д. 317, л. 49.
- ⁸⁴ Там же, д. 28, л. 4.
- ⁸⁵ Там же, д. 4, л. 10.
- ⁸⁶ Там же, д. 3, л. 18.
- ⁸⁷ Там же, д. 313, л. 17.
- ⁸⁸ Там же, д. 58, л. 181; д. 313, л. 10.
- ⁸⁹ Там же, д. 314, л. 113.
- ⁹⁰ Там же, д. 158, л. 16.
- ⁹¹ Там же, д. 314, л. 52.
- ⁹² Там же, д. 231, л. 16.
- ⁹³ Там же, д. 493, л. 95, 107.
- ⁹⁴ Там же, д. 498, л. 26.
- ⁹⁵ Там же, д. 99, л. 17–19.
- ⁹⁶ Там же, д. 28, л. 5.
- ⁹⁷ Там же, д. 102, л. 30.
- ⁹⁸ Там же, д. 158, л. 15.
- ⁹⁹ Там же, д. 312, л. 1.

¹⁰⁰ К середине 1960-х гг. в составе БММТ «Спутник» функционировали 6 международных баз (Московская, Ленинградская, Киевская, Минская, Сталинградская и Рижская) и 8 молодежных лагерей (Кавказский «Спутник» и Кавказский лагерь в Агуре, Крымский лагерь в Гурзуфе, Сочинский лагерь, Латвийский «Лесное озеро», Азербайджанский «Гянджлик», Армянский «Ласточка» и Закарпатский «Верховина»).

¹⁰¹ РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 194, л. 9.

¹⁰² Там же, д. 493, л. 139.